

ЧЕРНАЯ ГЛАДЬ

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Софья Волошина

Ссылка на публикацию

Глава 1

Гладь озера серебрилась в закатном солнце. Лодка взрезала воду под мелодичный плеск весел, и черный, поросший ельником остров приближался. Высокий, подмываемый озером берег уже утонул в тени. Молодой парень, согласившийся на своей лодке перевезти на остров незнакомца в толстом шерстяном плаще, боязливо поежился, молясь про себя светлым Богам. Ещё два всплеска весел, нос судёнышка мягко ткнулся в песчаный обрыв. – Иди! – буркнул перевозчик. – Быстро! Мне надо возвращаться домой! Незнакомец выбрался из лодки, но неудачно, намочил сапог, раздосадовано поморщился и напоследок швырнул молодому парню серебряную монету. Тот торопливо сунул её в карман, оттолкнулся от берега – и вёсла споро заплескали по воде. «Ишь, удирает…» – с усмешкой подумал человек в плаще. Его звали Фер. Хоть путешественник и носил жреческие одежды, но возрастом он вряд ли превосходил паренька, перевезшего его через озеро. Да и с виду был такой же тощий и неприметный – встретишь на базаре и через миг забудешь. – Ну здравствуй, остров Черной Чаши. Жители деревень, притулившихся по берегам озера, боялись этого места. Рядом с Черной Чашей не ставили сети, не возили баб с девками по ягоды и грибы. Фер обошел три деревни, прежде чем нашелся человек, согласившийся отвезти его сюда, да и тот – пришлый сирота, не знавший и половины того, что старики говорили об острове. Лет сто назад, а то и больше, поселился здесь ведун. Все к нему ездили, от любой хвори исцелить мог, даже молодость возвращал. У кого попроще болезнь, тех травами лечил да заговорами. Но ежели недуг какой с рождения или смерть уже за плечом у бедолаги стоит, вел того целитель в центр острова. Там, в глубине леса озерцо было родниковое. Вода голубая – что синь небесная. Прозрачна и холодна, любые хвори исцеляет. Окунется туда немощный старец, а выйдет добрый молодец; безногий калека на своих ногах из воды выпрыгивает. Вот только с каждым исцеленным стала вода в озере темнеть. Сначала помутнела слегка, не заметно даже. А народ про чудесный источник прознал, валом валит – кто исцелиться, а кого просто любопытство снедает. Озерцо всё мутнее и мутнее, уж и дна не видно, но люди дуром лезут, кому надо и кому не надо. И вот в один из дней на исходе лета разразилась гроза страшная, молнии на всё небо, от грома уши закладывает. На следующий день приплыли люди: ведуна нет нигде, а вода в озере черная. Искали три дня, не нашли ни живым, ни мертвым. С тех пор все, кто на том острове появлялись, начинали болеть страшными болезнями, многие умерли. Вот и прозвали то место проклятым. Зато стали наведываться

туда другие гости. Всё больше под покровом ночи, прячась от взгляда Небесного Владыки. Они искали силы – не той, то дарила жизнь и исцеление, а той, что убивала врагов. Но не жаловал таких остров, живым никто не возвращался. Но Фер не алкал ни того, ни другого. С ранних лет его привлекали лишь знания: о жизни и о смерти, о магии, дарующей исцеление и приносящей гибель. Из воды к лесу потянулись тонкие завитки тумана, густой ельник дохнул в лицо странника прохладой. Небесный Владыка наконец ушел светить в Исподний Мир – и Ночная Жрица накинула на небеса черное покрывало, выстилая путь Серебряной Госпоже. Фер поклонился своей покровительнице – ещё не видя её лик, но предчувствуя появление. Ниоткуда налетел порыв ветра, снова из леса дохнуло холодом, но уже другим – злым, как из разверзшейся могилы. – Сссачем ты пришшел? – послышалось в шорохе листвы. – Я жажду постичь этот мир и овладеть всеми знаниями, – спокойно ответил Фер. – Ссачем? – и снова голос будто чудится. –Знание для меня – дороже злата и каменьев. – Тссебя ждет ссмерть…. – холод проник под шерстяной плащ, кусая за ноги и за руки. – Смерть ждет всех… Фер шагнул в ельник, раздвигая тяжёлые ветви. Страх едким зельем клокотал внутри, но остров манил. – Я пришел испить твоей мудрости, Черная Чаша, впусти меня! Наконец под ногами проявилась едва заметная тропинка, и Фер пошел по ней, сдерживая дрожь в ногах. Тропинка петляла среди молодых елок и кустов можжевельника, словно нарочно сбивая с толку. Вдруг, обогнув зеленый колючий куст, облепленный чуть серебристыми, словно с мороза, темно-синими ягодами, дорожка вывела к старому, но добротно срубленному дому. Перед ним была поляна, заросшая земляничником, из трубы вился дым, а позади виднелся разбитый огород. А за ним уже было то самое черное озерцо, увенчанное туманной короной и давшее название острову. Фер чувствовал, как клокочет в нем великая сила, жизнь и смерть. – Зачем ты пришел? – услышал странник за спиной. На этот раз это был человеческий голос. – Я пришел учиться у вас, старец, – юноша повернулся к хозяину острова, откинул с лица капюшон и низко поклонился. Старец молчал. Он стоял перед незваным гостем, скрыв лицо в тени, однако рука, держащая резной деревянный посох, черный, как воды озера, выглядела слишком молодо, чтобы принадлежать старику. Да и голос подошел бы крепкому мужчине, чью бороду ещё не тронул первый иней седины. Мудрец приподнял посох, и из чащи за озером повеяло холодом зимней ночи, живое дыхание изо рта Фера обернулось облачком пара. – Я не жалую чужаков. Но и не вижу в тебе жажды мести или силы. Скажи же, юный безумец, чего ты желаешь обрести здесь? – Мудрость, о, благородный хозяин острова! – Благородный? Хозяин? – голос вдруг стал насмешливым. – Я лишь гость здесь, в обители великих сил, повелевающих Жизнью и Смертью. И во мне нет ни капли благородства – я не ведаю своих корней. И для чего же тебе нужна мудрость Черной Чаши? – Я желаю знаний, отшельник! – горячо воскликнул юноша. – С ранних лет меня взяли к себе жрецы

Серебряной Госпожи, я многому научился у них: исцелять раны, умерщвлять врагов Величайшей, но я не знал покоя. Кем дается нам жизнь и зачем отбирается? Куда отправляется наша душа, покинув тело, прежде чем обрести новое вместилище? Старшие жрецы отвечают: на всё воля Госпожи и огнеликого супруга Её, Небесного Владыки… Но их праведные речи не приносили покоя моей душе! И вот, Величайшая смиловалась надо мной и даровала знак – в храмовой библиотеке я нашел записи одного путешественника, он рассказывал про Черную Чашу, проклятый остров в северных землях, где живет старец, повелевающий жизнью и смертью. Милостивая Госпожа благословила меня, и в день, когда она явила полный лик, я бежал от жрецов. Трижды я созерцал её прекрасный облик во всей красе, пока шел сюда. И вот, я молю тебя – возьми меня себе в ученики. Я готов служить, я исполню любое твоё повеление, величайший из мудрецов! – В ученики? – и снова Фер услышал насмешку. – Что ж, любопытная просьба. Я удовлетворю её, но не могу обещать тебе, глупый юнец, что ты доживешь до конца обучения. – Я не боюсь смерти. Мы, служители Великой Госпожи, уже завещали свои жизни Величайшей… – Всё! Хватит уже этих религиозных бредней. Ступай за мной – надеюсь, что ты умеешь разжигать очаг и ощипывать голубей. Я проголодался, а ученик обязан заботиться о благополучии учителя. – Как я могу звать вас, учитель? – радостно воскликнул юный жрец. – Зови меня Ворон. И не вздумай называть меня «учитель» – в озере утоплю.

Глава 2

Ещё много раз Великая Госпожа являла себя во всей красе, но Ворон не спешил делиться с Фером знаниями. Молодой мужчина собирал хворост, работал в огороде, ловил птиц на ужин, приносил воду и разжигал огонь в очаге, но на вопросы о том, когда начнется обучение, получал такой ответ: – Оно уже началось. Я учу тебя величайшей премудрости, без которой невозможно научиться магии. – Какой же, мудрейший Ворон? – с усмешкой спрашивал тогда Фер. – Вероятно, ловить голубей? Или собирать хворост? – Терпению, глупец. Твоя богиня забыла даровать тебе терпение! Бывший жрец ждал. Зима уже трижды покрывала остров белоснежным саваном, и Чаша трижды сбрасывала его по весне, возвращаясь к жизни. Фер уже отчаялся, решив, что ушлый мудрец решил использовать его, как слугу, но в день, когда Небесный Владыка набрал полную силу, Ворон сказал: – Брось возню с очагом, ступай в лес, поймай мышь или лучше птицу. Пусть она будет живой. Но сделать это нужно до захода солнца, иначе не выйдет у тебя магия. Поймаешь пичугу, принеси сюда, да посади куда-нибудь, чтобы не улетела. А на закате принесешь воды из Чаши. Но не в ковше, не в ведре – только в ладонях. Видишь плошку? – мудрец достал ее, украшенную неведомыми письменами, с полки и поставил на стол. – Наполнишь

её до краёв. Когда взойдет луна, сходишь в чащу, наберешь пучок огневицы, но смотри, чтобы не увядшей, не то всё испортишь! Фер ушел радостный. Пичуга была поймана, плошка наполнена, огневица лежала на столе, и капельки ночной росы блестели в свете лучины на её закрывшихся бутонах. – Сегодня я открою тебе великий секрет, юный жрец, – провозгласил Ворон. – Но не пытайся с его помощью одолеть меня, пока не узнаешь моего истинного имени! – добавил он с усмешкой. До этой поры Ворон не показывал лица. Они даже ели отдельно: сначала мудрец, а затем Фер – что оставалось. Но сейчас мудрец откинул капюшон, под которым оказалось молодое лицо. Лишь по серым страшным глазам, таящим в себе мудрость прожитых веков, и совершенно седым волосам можно было понять, что Ворон прожил долгую жизнь. – Что, удивил тебя? – криво усмехнулся мудрец. – Научу тебя сегодня премудрости, но если испугаешься и бежать вздумаешь – не жилец ты. Смерть настигнет раньше, чем успеешь до людей добраться и всё им рассказать. Пучок огневицы отправился в очаг, избушка наполнилась сладким дымом. – Возьми птицу в левую руку, да держи крепче, но не раздави, а то беде быть,– велел Ворон. Фер сжал испуганно пискнувшую пичугу, чувствуя, как под перышками застучало трусливое маленькое сердечко. Ворон взял нож и воткнул его в плечо ученика. Тот аж вскрикнул от боли и неожиданности. – Думаешь, глупый мальчишка, только твоя богиня владеет жизнью? Сегодня ты поймешь, как ошибался. Окуни птицу в воду. Фер окунул пичугу в воду, а Ворон начал шептать заклинание. Молодой маг не знал, на языке какой страны говорит мудрец, но понимал незнакомые слова. Ворон присягал Тьме, самой бездонной и черной. Фер чувствовал, как жизнь перетекала из тела бьющейся пичуги в него, залечивая рану, и с каждой искоркой живительной энергии птица трепыхалась всё тише, пока не обмякла в руке. Жрец застыл, огорошенный, не смея произнести ни слова, лишь смотрел на хрупкое пернатое тельце, безжизненно лежащее на его ладони. А Ворон тем временем подцепил уголек из очага и кинул в плошку. Озерная вода зашипела, почернела, а птица на ладони вдруг встрепенулась, ожила и запрыгала по столу, только вот в черных глазах-ягодках не было ни капли жизни. – Ну, как тебе моё колдовство? Если б твои братья по вере узрели такое «чудо», то живым я б с этого места не сошел. Противна твоей Госпоже подобная магия, не велит она мерзких колдунов щадить. – усмехнулся отшельник. – Да ты, как я погляжу, побледнел! Убил бы меня, если смог? – Возможно… я дурной человек и недостоин милости моей Госпожи, но… раз она, в милости своей даровала тебе такую силу, не мне перечить её воле… – глаза юноши вспыхнули жадностью, он горячо прошептал. – Я хочу овладеть этой тайной! – Но ты ведь не глуп. Придет время, и ты займешь место этой птахи. Я возьму твою жизнь и сделаю её своей. – Если за эти годы я не превзойду вас… – с твёрдой решимостью ответил Фер. Ворон удивленно взглянул на ученика, а потом расхохотался: – Ты не просто глуп, ты дурак, каких поискать! Решил превзойти меня, имея в запасе лишь одну

жалкую человеческую жизнь? Что ж, я погляжу на это. Учись усердно, глупый мальчишка. Фер кивнул. Он не мог отвести заворожённого взгляда от птицы, прыгающей как ни в чем ни бывало по столу. – Сколько она проживет? – День или два. Тело без души отторгает жизнь. – А если отдать птице чужую жизнь? – Ещё два дня. Мудрый вопрос ты задал. Жаль только, что так наивен, – покачал головой Ворон. – Но мне это на руку, не станешь убегать. – А если влить жизнь в то, что не живо? Ворон вновь улыбнулся: – Если это не заговоренное железо, то жизнь просто утечет из него. Ворон достал из складок мантии книгу и подал Феру: – Вот. Выучи эти заклинания. Если успеешь до того, как птица помрет, сам её оживишь. Если нет, поймаешь двух новых, одну убьешь, а у второй заберешь жизнь! И смотри мне! Вздумаешь бежать, чтобы других жрецов привести, умрешь быстрее, чем через озеро переправишься! Жрец оказался упрям – две луны прошло, а птица знай прыгала по ветке, но не улетала далеко. Холеные перышки сияли на солнце, окрестности оглашались весёлым чириканьем. Вот только глаза оставались пустыми и мертвыми, они чем-то напоминали черную гладь озера, чья вода отняла у пичужки жизнь, а потом вновь заставила хрупкое тельце без души двигаться. – Не надоело раз за разом воскрешать эту мертвячину? – недовольно пробормотал Ворон, возвращавшийся от озера. – Нет, ничуть. Я многому научился. Ворон остановился и пристально посмотрел, скривившись, но Фер знал, что за гримасой таится ироничная улыбка. – Так поведай мне, может, мне уже нечему учить тебя. Юнец веселил Ворона – любопытный, как дитя, и упрямый, как скала. – Я пойму, что мне нечему у вас учиться, когда смогу забрать вашу жизнь, – спокойно сказал Фер. – Каков наглец! Так что же ты такого узнал? – Многое. Например, если жизненной силы в жертве больше, чем нужно, то когда она оживет, часть силы перейдёт ко мне. Так-то вы «исцеляли» людей? Только вот откуда брали для этого силу? – О, у меня было много учеников. Никто из них даже не понял, почему заболевал и умирал. Они были даже глупее тебя. Ты вроде дурак дураком, а жив до сих пор… И снова потянулись однообразные дни, Ворон, казалось, забыл про ученика. Пришла очередная осень. Дни стали короткими и очень темными, Небесный Владыка скрывал лик в тучах, лишь изредка даря засыпающей земле холодные лучи. Снег не торопился выпадать. Сосенки и ели стояли нахохлившись, кутаясь в богатые шубы, тогда как другие деревья выглядели оборванцами – редкий жухлый лист оставался висеть на голых ветках, и лишь гроздья рябины напоминали о том, каким нарядным ещё недавно был осенний лес. Птица всё же умерла – Феру надоело поддерживать жизнь в ней. Ворон почти не давал ученику поручений, поэтом тот сидел целыми днями у огня и разбирал мудрёные заклинания из книги. В день, когда выпал первый снег, небо очистилось и сияло такой пронзительной голубизной, что даже черная вода Чаши, отразившая ее, казалась уже не такой пугающей, Ворон с самого утра куда-то запропастился. Но Фер был даже рад этому – он мог спокойно заняться старой елью, поваленной

недавней бурей. Вот уж подарок так подарок, это ж столько дров для очага! Но стоило Феру отложить книгу, появился Ворон. Он вел с собой упирающегося мальчишку, тому и десяти лет не было. Малец вырывался, кричал, но отшельник крепко держал его за ворот. – Новую птичку тебе привел! – весело сообщил Ворон. – Отирался тут. Любопытно ему, вишь, стало, что на проклятом острове делается. А вот что делается – съедят тебя злые колдуны, а на костях погадают! Фер застыл, посмотрел на учителя испуганно. Одно дело птица, другое – человек. – Покажи мне, на что способен, – велел Ворон, подталкивая плачущего мальца к Феру. – Или горазд только языком чесать, мол убью вас… Чтобы меня убить, надо сотню-другую людей испить досуха. – А если… память стереть?.. Потом отпустим… Заодно опробую новое заклятие из книги… – вся решимость куда-то делась, стоило бывшему жрецу посмотреть в испуганные детские глаза. – Э нет, вот поедем весной на ярмарку за заморскими травами, там и опробуешь. А этот один раз пробрался на остров – и другой проберется, – колдун нахмурился. – Или струсил? Так я мигом твою жизнь присвою, если она тебе не нужна. – Нужна мне жизнь… Фер понял, что отныне больше не сможет молиться Ночной Госпоже. Если б та сейчас узрела это непотребство, то послала бы своему нерадивому служителю немедленную смерть. Да и Небесный Владыка такого не прощает… Но почему Ворон до сих пор жив, даже не хворает?.. – Так что, ты сам мальчишку умертвишь или мне вас обоих? – нетерпеливо проворчал Ворон. Фер тяжело вздохнул, схватил мальца за руку и потащил к озеру. – Вздумаете бежать – до берега дойти не успеете… – предупредил мудрец. Мальчишка плакал, вырывался, умолял пощадить, но Фер был сильнее. Мальца пришлось усыпить, пока молодой колдун разжигал на берегу Чаши костер и искал веревку, а также нужные для ритуала травы, засушенные с лета. Ворон наблюдал за всем, довольный учеником: – Набирайся чужих сил. Потом я тебя убью, когда мне надоест с тобой возиться – и все силы мне достанутся. Фер молчал, не отвечая на подначки. Он проводил ритуал. Рука не дрогнула, даже когда мальчика топил в озере. Только скривился, когда Ворон потребовал: – А теперь оживи. Я посмотрю, хватит ли тебе силушек с пацаненком так долго забавляться, как с птицей. Внутри всё как огнем обожгло. – Не буду оживлять! – возразил Фер. – Будешь, будешь. – Ворон присел на поваленное дерево. – Думаешь, я дам тебе забыть, что ты сделал? Ну нет, глупый жрец, раз пошел этой дорогой, то навсегда запомни, что ты теперь Тьме служишь. Решил, что обучишься у меня всему, убьешь меня, героем станешь, зло из этого мира уведешь? Нет, даже если суждено тебе будет меня победить, то теперь ты просто займешь моё место… Тело мальчика прожило ещё три дня. Он прислуживал им с Вороном за трапезой, носил воду, даже починил рваную рубаху Фера. И каждый взгляд в пустые глаза паренька будто бы убивал что-то в самом жреце. Когда на третий день маленькое тельце свалилось бездыханным, уже ничто не дрогнуло в некогда горячем сердце. – Вот теперь можешь звать

меня учителем, – довольно сказал Ворон, а Фер лишь кивнул, пряча потемневшие глаза. Глава 3 Весной, когда лед на озере начал таять, Ворон велел найти старую лодку и подлатать. – Отправимся на ярмарку. Мне надо купить заморских трав для зелий, а ты отточишь своё мастерство. И возьми с собой воду из Чаши, одну флягу… – Но зачем? – удивился Фер. Стало тяжело дышать – Ворон опять заставит кого-то умертвить. Но пути назад не было, ослушаешься – сам погибнешь. – Что говорит книга о том, как взять себе чужую жизнь? Хватит ли тебе этой воды? –спросил мудрец. – Нет… – Но что ты можешь сделать с этой водой? – Ворон проверял ученика, на его лице появился хитрый прищур. – Лишить памяти… подчинить своей воле… – Фер не мог понять, к чему клонит учитель. – А как взять себе чью-то жизнь, если у тебя будет только фляга воды? – Ворон посмотрел в глаза, ожидая ответа. – Лишить воли и привести на остров, – нехотя ответил Фер. – Верно. Он войдёт в Чашу по своей воле, даруя тебе свою жизнь. На душе было гадко – бывший жрец чувствовал, как дурно поступает, но жизнь мальчика, которую он забрал осенью, кипела в крови неведанной ранее силой. Не только страх овладел им, но и жажда. Он предал Ночную Госпожу, совершив однажды непотребный ритуал. И отныне остался один в этом мире, лишенный её покровительства, не скованный никакими клятвами и законами, уже не человек вовсе. Желание познать этот мир притупилось, вместо него в сердце появилась пустота. Бездонная, ничем не заполнить – она рождала неутолимую жажду новой силы. – Когда я стану сильнее вас и убью, то никого более не лишу жизни! – Сначала убей! – усмехнулся Ворон и, немного помолчав, вдруг спросил. – А ежели убьешь, что делать станешь? Так же на острове жить отшельником да Чашу стеречь? Твоя Госпожа от тебя отвернулась, люди станут тебя бояться. Они, будто животные, чувствуют метку черного колдовства. Вернешься к ним, так они со свету сживут… Хотел познать весь мир? Что ж – полюбуйся теперь, к чему привело твоё любопытство. Фер не ответил. Так и молчал до самой ярмарки. Как приплыли на берег, условились встретиться у лодки на закате, и юноша ушел. Вернулся поздно, солнце уже касалось края воды, и привел с собой девушку. Она была худой и бледной, еле держалась на ногах. Фер снова не сказал ни слова, лишь вернул Ворону полную флягу с водой из Чаши. Отшельник удивленно приподнял бровь: – Не пригодилась, значит? – Нет, учитель, – ответил юноша и помог девушке забраться в лодку. Та сжалась на дне лодки, нахохлилась, как пичужка на морозе, и испуганно глядела то на одного мужчину, то на другого. Фер был молчалив, мрачен, а всегда живые глаза стали непроницаемыми даже для старого отшельника. Над озером к ночи стал собираться туман, и девчушка закашлялась – от холода и сырости. Всё тельце тряслось, лицо покраснело. – Успокойся, красавица… – шепнул Фер, погладив её по спине. Ворон приметил, что он наложил простенькое заклятие. Лодка причалила к берегу, бывший жрец вновь помог девушке. – Пойдем, в нашем

жилище есть огонь. Обогреешься и поешь, – сказал он ей необычайно ласково. Отшельник аж закашлялся, услышав такое, но Фер твердо сказал: – Ния погостит у нас какое-то время, пока не наберется сил и не поправится. Ты ведь не станешь противиться, учитель? «Ишь, стервец, чего удумал!» – восхитился учеником Ворон. – «Наплел бедняжке с три короба, а она поверила!» Фер проводил девицу в дом, усадил у очага и налил похлебки, а потом заварил напиток из целебных трав. Отшельник с любопытством наблюдал за всем этим, а когда гостья уснула на лавке, спросил юнца: – Что это ты удумал? Совсем страх потерял, решил меня обмануть? Ты ж знаешь, что я… – Убьете меня раньше, чем мы успеем с острова уплыть, – Фер улыбнулся одними губами, но глаза остались мертвыми. – Я не собираюсь убегать, просто ждите. – Да и девку нашел – смех один, какая ж она жертва, в ней жизнь еле теплится… – пробурчал Ворон. – Вы сами назвали меня своим учеником, так что поверьте мне. Одна луна сменила другую, взошла третья – близилась макушка лета, а Ния всё жила на острове. Прибирала в избе, глядела за огородом. Фер приглядывал за ней, словно за младшей сестренкой. Стоило ей чуть запыхаться, как просил: – Сядь, красивая, отдохни… Девушка спала сколько хочется и ела досыта. Скоро хворь стала отступать, и Ния стала поправляться. Ничто в ней не напоминало о прежней заморашке, даже голову она держала прямо, гордо. А уж разговорчивая стала – только и говорила, что сделает, когда исцелится. Ворон уже устал ждать, но Фер не спешил. Наконец, в ночь, когда его прежняя Госпожа не вышла на небосклон, он начал приготовления. – В тебе, красавица, страшная болезнь сидит. Надобно её вылечить. Для этого искупайся в черных водах чародейного пруда – тогда и родишься заново, – сказал юноша и приступил к ритуалу. Ния бесстрашно вошла в воду, но вдруг замерла. – Не бойся, славница! Тебе покажется, что ты тонешь – не страшись, не борись. Это значит, что волшебные воды принимают твою хворь. – А почему воды такие черные? – спросила девушка. – Потому, что вобрали в себя тысячи чужих хворей. Ния вошла по шею и почуяла, что черные воды Чаши тянут на дно. Она испуганно забарахталась, но Фер спокойно стоял на берегу, глядя, как силы покидают тело. Наконец, вода сомкнулась над головой девушки, и похищенная сила наполнила юношу. – Ну, рассказывай всё… – подошел к нему Ворон. – Что-то я ничего не понял. Фер взглянул на черную воду и вздохнул: – А что говорить. Нашел я бездомную замарашку на базаре, смотрю – в её груди сидит проклятье. Вот и взял с собой, пообещал исцелить недуг, а взамен, мол, пусть она за меня замуж выходит. Девица пожила в достатке, поверила в исцеление, в будущее счастье. Даже войдя в Чашу, в смерть не верила – и умерла счастливой. А останься она на улице жить, так сгорела б к осени, больно сильное проклятье в ней жило. Ворон только головой покачал: – От мучений, значит, избавил? Благородный? – Нет, я не благородный. Забрал её жизнь потому, что она была мне нужна. Просто взамен немного счастья подарил. А сил в ней было ого-го – она так жить хотела,

меня всей душой любила, замуж собиралась, даже платье шила праздничное. – Откуда знаешь? – Да я же сам давеча за материей в город ездил, – ответил Фер. Взглянул на него Ворон – а глаза у юнца словно вода в чаше – темные, непроглядные!

Глава 4

Минул год, за ним второй. На острове нет да нет появлялись люди: Фер приводил больных, калек, бездомных, сирот… Каждый гостил здесь по три, а то и по пять лун. Жил вольготно, работал, если мог, а если не мог – то на всем готовом. – С них силы ни на грош! – возмущался Ворон. – Не скажи, учитель. Каждый из них телом слаб, а духом силен, – пожимал плечами юноша. – Но ты можешь их сразу в Чашу! – недоумевал старый отшельник. – Шумят тут, живут, будто в родном доме. – Э нет, каждый из них меня любит. Кто братом, кто сыном, кто возлюбленным почитает. Есть такие, кто добровольно в Чашу входят, дабы мне угодить. Ты, учитель, умен и хитер, а я всё равно умнее да хитрее. Скоро мне и твоя жизнь принадлежать станет! – рассмеялся Фер Ворону в лицо. А глаза-то невесёлые, темные, мертвые, словно и не было в них никогда улыбки. Посмеивался Ворон над учеником, а потом не до смеха ему стало – стал он примечать, что радуется успехам ученика, как своим, начали мысли крамольные посещать, мол, не оставить ли его подле себя подольше. «Да что он мне сделает? Неужто правда убьёт? У него рука не подымется, своего учителя жизни лишить, у жреца-то…» Так оно так, да только Фер уже давно не был жрецом, в лунные ночи не гулял, Богиню не восхвалял, да и от её светлоликого супруга прятался, стараясь выходить из дому лишь в пасмурные дни. А потом и вовсе вот что выдумал… В тот день собрался Ворон с учеником за травами на другую сторону острова. День был пасмурный, рассвет было занялся, но так и затух. Шли молча. Ворон впереди, а Фер чуть поодаль. – Как так сталось, что ты прежнее имя отринул и стал зваться Вороном? – спросил он вдруг. Отшельник не стал оборачиваться, но ответил, хоть и нехотя: – Когда природу свою слабую жалостливую отринул, тогда и от имени отказался. Да и зачем мне было имя, пока я здесь один был?.. Фер ничего не ответил, пошел следом молча. У него даже походка изменилась, шаг тяжелым стал. – А с чего это ты про имя-то спросил? – поинтересовался Ворон. Дурное это, что мальчишка молчаливым стал, закрытым, ведь раньше болтал без умолку. Ученик ничего не ответил, но старец настаивать не стал. Так и провели день молча. Вечером, как вернулись в дом, пока Фер травы выбирал да в пучки вязал, Ворон похлебку сварил. Вышел на улицу – темень, хоть глаз выколи, ночь безлунная, а ученик сидит на поляне и даже костра не разжег. – Отложи, Фер, дела. Не убегут от тебя травы, лучше есть иди, – позвал парня старец. Тот посмотрел на учителя и головой покачал: – Не по нраву мне это имя стало, я его носил, когда Госпоже служил, и у людей

жизнь не забирал. Сейчас мне по нраву хмурые дни, а лучше всего безлунные ночи. Бывший жрец помедлил, но в темноте ухнуло, а потом зашумели крылья. Отшельник выжидающе поглядывал на ученика. – Зови меня лучше Филином, – попросил он. – Или никак не зови… «Как подменили мальчишку!» – решил Ворон. – «Уж и от имени человеческого отрекся. Пора с ним кончать, а то и впрямь убьёт меня…» – Иди в дом, Филин. Не каждый день подходит для такой жертвы, да и нельзя столько силы разом в себя принять – так и рассудок потерять можно. Стал Ворон выжидать, а старый кинжал, чьё лезвие рунами изукрашено, подальше спрятал, чтоб ненароком не потерять. Он пригодится в колдовстве и примет в себя всю силу мальчишки, чтобы потом неспешно насытить отшельника. А Филин-то возьми да изменись опять – снова шутить принялся, улыбаться, даже глаза вроде бы живыми стали, только вот от нового имени не открещивается и днем на улицу без нужды не выходит. Уж третий месяц на остров никого не приводит, с книгой сидит, изучает. – Чего задумал-то, Филин? – словно бы невзначай спрашивал его Ворон, но тот только отшучивался. – Всё тебе скажи. Сам увидишь! Чем ближе день, который Ворон для своего черного дела наметил, тем мрачнее отшельник. Не хочется Филина убивать: впервые за много лет кого-то под стать себе нашел. Сам себя уговаривает, что, мол, рано от мальчишки избавляться, пусть сил ещё поднакопит, а потом вдруг как проясняется: да это же юнец ему голову морочит. И вот благоприятный момент настал. – Хочу тебе кое-что показать, научить тому, чего в книге нет, – сказал поздним вечером Ворон. Засветло он сам собрал нужные травы, даже жаровню разжёг на берегу. – Вот и славно, а то я уж начал бояться, что вам уже и показать нечего, что я вас превзошел, – рассмеялся Филин. «Превзошёл, конечно!» – возмутился отшельник. – «Вот и посмотрим, как ты меня превзошёл!» А вслух сказал другое: – Пойдем к Чаше, там уже всё готово. Шли как обычно – впереди Ворон, а чуть поодаль и Филин шагал. Как только приблизились к поляне, отшельник достал пузырек с черной водой и начал читать заклинание, не ведомое его ученику. Оно подавляло волю, даже самую сильную, этой магии нельзя было сопротивляться… – Ты был очень хорошим учителем, Ворон, – вдруг сказал Филин. – Жаль, что Госпожа не примет твоей души, когда она покинет тело. И моей души она не примет… В спину старого отшельника уперлось острие кинжала, а по телу расползалась тяжесть, которой нельзя было сопротивляться. Склянка выпала из руки, и вода разлилась по земле. – Я сказал, что твоя жизнь будет принадлежать мне, старик… И уже Филин начал громко и распевно читать заклинание, которое начал отшельник. – Откуда? – ошарашенно спросил тот, а потом вспомнил – сам же рассказал, уж две луны прошло с тех пор, как выдал все свои секреты, стоило юнцу лишь спросить. Силен был Филин, во всём превзошел учителя! Заморочил, заставил забыть сказанное. Ворон безвольно поплелся к берегу озера, ведомый древними словами, а Филин шел следом, не отставая ни на шаг. Стоило водам озера

омочить ноги старого отшельника, как кинжал вошел в спину, забирая в себя жизнь. Ворон захрипел, и моложавое лицо вмиг изменилось: был мужчина, стал старик, а ещё миг – бездыханное тело осело в озеро, на глазах обращаясь в скелет. – Спасибо тебе, учитель. Ты многое мне объяснил! – низко поклонился Филин, спрятал кинжал в кожаные ножны и убрал за пазуху. Так и сидел он на берегу, пока небо не заалело рассветом. После этого мужчина вернулся в дом, взял плащ, загодя собранную суму и пошел на берег острова, более не прячась от ока Небесного Владыки. И вот уже лодка, носом прорезая холодные волны, направлялась к большой земле…

Эпилог

В холостяцкой квартире было чисто и опрятно. То ли сам такой аккуратист, то ли домработница приходит. Вот только места было очень мало. На вид ухажёр показался богатым парнем, а живет в маленькой клетушке, пусть и с хорошей мебелью. «Странный он какой-то», – подумала девушка, но тут её взгляд привлекло что-то, висящее на стене. Это была очень и очень дорогая вещь, уж в таких-то делах гостья разбиралась. – Ой, а это что за штука, антиквариат? – она потянулась к висящему кинжалу в искусно сделанных ножнах, но мужчина жестко одернул её. – Не вздумай прикасаться! Можешь трогать всё, что угодно, кроме этого кинжала. Это подарок. – От девушки? – игриво поинтересовалась гостья. Она не обиделась на этот грубый окрик, наоборот, он даже слегка… возбудил ее? Да, определенно. – Нет, от одного моего друга. Это его… наследство. Давай не будем. Иди, переоденься в халат, который лежит на постели, он чистый, а я приготовлю нам двоим ванну. Только не подглядывай, хочу сделать тебе сюрприз. Девушка упорхнула в комнату, где переоделась и стала ждать мужчину на эту ночь. Какой галантный, с ума сойти! Ванна и сюрприз, как в любовном романе… Он пришел через десять минут, уже сам переодевшийся в тёмный махровый халат. В руке была широкая лента. – Я хочу завязать тебе глаза, повернись, – ласково произнес мужчина, легко улыбаясь. – О, я люблю такие игры! – захихикала девушка. Лента полностью скрыла всё от глаз гостьи. Мужчина твёрдо взял её за руку и повел в ванну, где уже пахло какими-то неизвестными благовониями. Девушка позволила поиграть с собой: снять халат и, подняв на руки, поставить в ванну. – Как интересно. Ты такой романтик, – мурлыкнула она. – Вот только вода холодновата… Сильная рука схватила девушку за шею и опрокинула так, что голова ушла под воду. Повязка сползла, она распахнула глаза, но увидела лишь черноту. Тело стало ватным, чужим, а руки и ноги отказывались слушаться. Сверху, словно тяжелая туча спускались незнакомые слова, девушка слышала каждое из них, не понимая ни одного, но внутри липким комом разрасталась чернота… Когда всё было кончено, Филин вышел из ванны и взял со стены кинжал. Осторожно вынув его из ножен, он погладил пальцами блестящее лезвие, всё изукрашенное

символами. – Здравствуй, Ворон. У меня сегодня был настоящий пир – сильна девица, небось ведьмина внучка. И тебе тоже немного осталось, дорогой учитель. Мужчина подошел к огромной ванне, наполненной черной водой и опустил туда лезвие, которое жадно сверкнуло в искусственном свете.